

DOI: 10.15643/libartrus-2023.3.2

Феномен времени и его измерения в романе К. Рансмайра «Кокс, или Бег времени»

© Г. В. Кучумова

Самарский национальный исследовательский университет имени
академика С. П. Королева
Россия, 443086 г. Самара, Московское шоссе, 34.

Email: gal-kuchumova@mail.ru

В статье исследуется феномен времени, рассматриваются разные модели времени, представленные в романе «Кокс, или Бег времени» Кристофа Рансмайра в авторской рефлексии о великой картезианской модели Вселенной как часового механизма. В романе часовые механизмы при всей своей непохожести друг на друга различаются лишь позициями наблюдателя, считающего с них свое жизненное время, часто не совпадающее с объективным ходом часов. В моделях реализуется субъективный подход к пониманию времени, которое существует в сознании человека в трех формах: воспоминание, созерцание и ожидание. Идея (не)измеримости времени раскрывается в диалоге двух архетипических фигур: мастер-часовщик и коллекционер часов. В этих романских персонажах передается космотворческое умонастроение человека, постигающего свое величие в изготовлении часовых механизмов, и величие человека, коллекционирующего время в часах.

Ключевые слова: феномен времени, модели времени, измерение времени, часовой механизм, роман «Кокс, или Бег времени», австрийская литература, Кристоф Рансмайр.

Интерес современного писателя к феномену времени закономерен. Новая конфигурация социокультурного порядка и распространение скоростных информационных и цифровых технологий существенным образом меняют сферу культуры, порождают новые художественные практики и новое восприятие пространства и времени. В постмодернистской реальности с ее креном в семиотическое измерение онтологические свойства времени не определены. Время уже не мыслится как объективное, универсальное свойство мира, теперь оно рассматривается как имманентное сознанию человека. Время расщепляется на фрагменты, распадается на малые величины, исчезает, растворяется в пространстве, выступая скрытой координатой пространства [1]. На смену открытого в XVIII в. глубинного времени приходит поверхностное время дромологической реальности-эффекта (П. Вирилио). «После времени-материи твердой геофизической реальности наступает время-свет виртуальной реальности, вязкой и изменяющей саму сущность длительности, вызывающей тем самым искажение времени» [2, с. 93]. Время становится фикцией, иллюзией, симулякром, свойством сознания и постигается человеком опосредованно. Симулякры времени диктуют свои модели темпоральности, в которых значимость временного измерения утрачивается [3, с. 11]. В гиперреальности «исчезновение времени» и его остановка в синхронической игре «означающих» фактически указывают на разрушение субъектности.

Сложная перекодировка, переформатирование привычного социокультурного профиля пространства-времени требует своего осмысления, измерения, понимания. Соответственно возникает потребность вернуться «назад к реальности», материально ощущаемой, вновь

осмыслить ее в декартовых координатах, почувствовать «бег времени» в механических часах, исследовать фигуру наблюдателя, субъекта, обладающего своей историей и считающего свое жизненное время, часто не совпадающее с объективным ходом часов.

В фокусе нашего исследования – роман «*Cox oder Der Lauf der Zeit*» (2016), «Кокс, или Бег времени» (в переводе Нины Федоровой, 2020). Австрийский писатель Кристоф Рансмайр (*Christoph Ransmayr*, р. 1954) предлагает своему читателю художественное осмысление феномена времени, моделей времени, различных форм переживания субъектом «бега времени». Обращение автора к механицизму Нового времени с его культом часовых механизмов обусловлено потребностью обозначить личностное измерение времени, акцентировать мысль о его самоценности. Интерес к феномену времени определен также и самим знаком-символом эпохи XVIII в., отмеченной маскарадным шествием часовых механизмов и карнавальным шествием автоматов-часов, в которых ставшее зримым время отмеряет жизненное время людей. В романе освещается многофункциональность механических часов: часы как прибор для измерения хода времени, как коллекционируемая вещь, как единственный механизм-символ, поставляющий ее владельцу образы времени, как уникальный механизм, всегда выступавший предметом искусства, как схемы мысли в философских построениях.

Феномен времени, модели времени и сама идея (не)измеримости времени раскрываются в романном диалоге двух архетипических фигур: часовщик и коллекционер часов. Персонажная пара – мастер-часовщик Алистер Кокс *Alister Cox* и китайский император, коллекционер часов *Qiánlóng* – передает космотворческое умонастроение человека, постигающего свое величие в изготовлении часовых механизмов, и величие человека, коллекционирующего время в часах. В образах часовщика и коллекционера сплавлены воедино концепция человека как «второго Бога», концепция прогресса как «второго творения», концепция искусства воссоздания в часовом механизме метафизической конструкции *primum mobile*. Повсеместно отмечается сходство Творца всего сущего с часовщиком и коллекционером, получившего власть над своей «империей часов». Так, китайский император многократно номинируется в романе как Властелин Мира, Богоподобный, Незримый Всемогущий, Владыка Десяти Тысяч Лет, Повелитель времени и др. Его оппонент англичанин Алистер Кокс именуется скромно – часовых дел мастер, величайший в мире конструктор автоматов и господин над девятью с лишним сотнями механиков по точным работам и ювелиров. «*Der Uhrmacher und Automatenbauer aus London und Herr über mehr als neunhundert Feinmechaniker Juweliere*» [4, s. 17].

Алистер Кокс спустя несколько лет после смерти своей дочери получает заказ от китайского императора. Вместе со своими помощниками он направляется в восточную империю на судне *Sirius*, напоминающем Ноев ковчег. В подарок императору английские часовщики везут причудливый механический зверинец – фигурки леопардов, обезьян, полярных лисиц, павлинов, изготовленные из серебра и золота и усыпанные драгоценными камнями. «*Der Dreimaster Sirius wie Arche Noah war voll metallener Wundertiere – aus Silber und Gold geschmiedete und mit Juwelen besetzte, radschlagende Pfaue, mechanische Leoparden, Affen und silberhaarige Polarfuchse, Eisvögel, Nachtigallen und Chamäleons und andere*» [4, s. 17]. Однако китайского ценителя времени не интересуют металлические животные-автоматы. Владыка Десяти Тысяч Лет желает пополнить свою коллекцию необычными экспонатами, часовыми механизмами, которые могли бы измерять «бег человеческой жизни с ее переменчивыми скоростями от рождения до смерти, от любовного гнездышка до эшафота» [5, с. 48].

Запретный город (*die Verbotene Stadt*), в котором оказывается Кокс со своей командой, включает *in nuce* всю мировую историю измерения времени в часовых механизмах. Город соединяет в себе: 1) античную модель мира (система знаков Зодиака, подвижный образ вечности,

machina mundi, система зубчатых колес, Лукреций); 2) модель механизма и органицизма как мировоззрения в философии XVII–XVIII вв., когда представления о машине переносятся на тело человека, и оно объявляется уникальным часовым механизмом (Р. Декарт, «*Meditationes de prima philosophia*», 1641; Ламетри, «*L'homme machine*», 1747); 3) модель социального и государственного устройства по образцу часового механизма (сочинения Т. Гоббса).

В Запретном городе все архитектурные сооружения – дворцы, каменные мосты, парящие террасы – построены по законам и пропорциям звездного неба и носят звучные имена: Дворец Земного Спокойствия, Зал Единения Неба и Земли, Зал Сердечного Попечения или Павильон Веселых Звуков. Время жизни в городе определяется солнечными, песочными, огненными и водяными хронометрами, отсылая к античным временам *machina mundi*.

Английским мастерам город видится гигантским часовым механизмом, движение которого обеспечивается пружинами и противовесами, механизмами зубчатых колес. Здесь царит мир непреложного порядка, где «каждый подданный может двигаться только в заданном ему пространстве и времени по дорогам, вымеренным как будто по линейке» [5, с. 48]. Городские жители напоминают механические фигурки, движимые невидимыми шестеренками. Даже случайные сбои в жизни Запретного Города (внезапная смерть одного из носильщиков портшеза и безымянная стрела у подножья Китайской стены, убившая одного из императорских коней) не могут вывести из строя загадочный механизм империи.

Ход времени в райском локусе Запретного Города строго регламентирован: природные временные циклы и социальная жизнь определяются императором. В китайской империи представлен ход циклического времени как навечно установленный сценарий в жизненном укладе людей. «Незримым сердцем» и «вездесущей силой» механического города является сам Цаньлунь, без него может остановиться не только жизнь империи, но и само время прекратить свой бег. Император формирует пространство «вечного сегодня»: по его приказу в Запретном городе царит вечное лето, или «вечное настоящее». Здесь проговаривается новый тип времени – «время спектакля» [6, с. 64], оно выступает временем пассивного созерцания, временем без действительной памяти.

В романе представлены разные модели времени в образах механизмов часов, изготовленных английским часовщиком и его помощниками. В этих моделях реализуется субъективный подход к пониманию времени, которое существует в сознании человека в трех формах: воспоминание, созерцание и ожидание (антропологическая парадигма Нового времени).

Первая модель времени *Lebensuhr* – это изготовленные Коксом жизненные часы его умершей дочери, встроенные в надгробие. Тайной пружиной часов служит скрытый от всех физический принцип действия: биохимические процессы разложения тела ребенка. Ход этих часов обеспечивает Коксу непрерывно длящееся пространство памяти о дочери. Тело умершей девочки рассматривается им как автомат естественный, в отличие от автоматов искусственных, созданных человеком. Мастер Кокс проявляет чудеса механического искусства, умение вправить естественный механизм в ювелирное чудо. Приходящие видят лежащее на возвышении не мертвое дитя, а «выкованный из тончайшего металла механический ангел – новейшее творение всемирно знаменитого конструктора автоматов, которое в ответ на нажатие кнопки может в любую секунду подняться и открыть глаза» [5, с. 9]. Здесь слияние органического тела с механической начинкой доводится до гротеска и отсылает к сатирическому произведению «*Menschen sind die Maschinen der Engel*» (1785) Жан-Поля Рихтера (1763–1825) [7].

Желание китайского коллекционера – пополнить свою коллекцию механических часов устройствами «для измерения летучего, ползучего или замершего времени человеческой

жизни» [5, с. 40] в зависимости от того, как ощущают время влюбленный, ребенок, осужденный на смерть человек или человек, желающий насладиться своим бессмертием.

Первым творением Кокса в китайской империи становятся ветряные часы *Winduhr*, изготовленные в форме белой джонки с двумя парусами. Неспешный или стремительный ход ветряных часов обеспечивается игрою воздушных потоков и вихрей ветра, часы в своих переменчивых темпах и интенсивности повторяют бег времени ребенка. В этом механизме реализуется форма времени – дрящущее настоящее время созерцающего человека.

Второй заказ Цаньлуня исполняется английскими часовщиками незамедлительно. Они конструируют и создают огненные часы *Feueruhr*, хронометр, который будет измерять последний мучительный отрезок жизни умирающих или приговоренных к смерти. При посещении каземата император получает ответы на свой вопрос, действительно ли в каземате время бежит быстрее. Для старика время до момента казни замирает, оно стоит недвижно; для молодого человека дни до смертного часа мчатся стремительно в состоянии полного бесчувствия. Сам Кокс не решается задавать вопросы этим несчастным. В его восприятии ход огненных часов – это лишь падения с одного уровня умирания на другой или случайное замирание стрелок в предчувствии вечности. Кокс уверен: механизм огненных часов должен быть «светлым, сверкающим подобием и предчувствием вечности, но не мерилками отчаяния и не смехотворными музыкальными шкатулками исчезновения» [5, с. 54]. Сердцем механизма огненных часов станут сгоревшие дотла восточные пряности, а душой – всепоглощающий и уничтожающий огонь, который обращает в прах даже само время. Драгоценным корпусом огненных часов выступает макет червонно-золотой Великой Китайской стены, как «бастиона, противоборствующего самому времени» [5, с. 61], а внутри сокрыт часовой механизм, отмеряющий не длительность, не бесконечность императорской власти, а бег времени обреченного на смерть человека. В модели огненных часов заключена другая форма времени – ожидание. Часовой механизм измеряет темп и продолжительность времени ожидания человека своей кончины или смертной казни в полном осознании, что его жизнь конечна и его власть над временем иллюзорна.

Вскоре команда Кокса получает от императора необычный заказ – изготовить часы вечности *die Uhr der Ewigkeit* с механизмом, не образующим замкнутую систему (что невозможно в природе). Эта альтернативная модель времени предполагает создание индивидуальной утопии, реализацию идеи собственного бессмертия и вечного существования китайской империи. Ртутная сердцевина механизма часов должна обеспечивать постоянное давление ртутного столба за счет изменения давления атмосферного. Идея этого механизма *perpetuum mobile* формулируется в романе так: «Часы, которые, никогда не останавливаясь, будут идти за гранью времени людей в звездном пространстве и пределы которых лишь в долговечности и тайне самой материи: ведь даже когда и самые прочные и самые ценные металлы и камни, из коих должно состоять такое произведение искусства, в несказанно далекое время вновь рассыплются в пыль и мельчайшие летучие частицы творения, погибнет только предмет, но не физический принцип их действия, неподвластный бренности» [5, с. 104]. После запуска часов Вечности их механизм более не нуждается в человеке, он изолирован даже от пыли, легкого порыва ветра, и самое главное – он зрим.

Часы Вечности должны стать венцом коллекции Цаньлуня. Император как коллекционер и как художник творит поэтический образ механических часов. Следуя традиции Данте, он как бы возвращает этому инструменту измерения времени его первоначальную функциональную нагруженность и метафизическое обоснование, то есть задачу изображения мира как театра мироздания. Как известно, Данте первым создал поэтический образ механизма часов в мировой

литературе, обеспечил механизму часов эстетическое сопровождение («Божественная комедия», круги Рая, зримая гармония механизма, система совершенных зубчатых колес) [8]. Саму вечность император заключает в часовой механизм. Корпус восьмигранной стеклянной колонны ничего не будет скрывать, как иные часовые механизмы, он явит на обозрение все секреты своей конструкции. Таким образом, человек получит возможность увидеть себя перед лицом вечности. Однако ключевое событие в романе – завод часов Вечности – отменяется по воле императора. Он решительно отказывается использовать секретный код запуска часов. Владыка Десяти Тысяч Лет желает не только оставить свою коллекцию незавершенной и тем самым отсрочить свою смерть, но и сохранить иллюзию управления временем в своей империи. Коллекция должна оставаться неполной, а само время – отсроченным. Завершенность же коллекции предвещает смерть самого коллекционера, знаменует истечение его жизненного времени [9].

Император остается в плену идеи о цикличности времени. Завод механизма часов Вечности означал бы то, что вечность будет исчислимой, а время – линейным. Это нарушит главное условие существования механизма самой империи – цикличность, обратимость времени. Тогда время как идея станет временем измерения мнимостей, лишенных смысла пустот, и жизнь каждого человека растворится в объективном, общем для всех ходе времени. В свое время немецкий философ М. Хайдеггер, определивший конец метафизики, высказывался о вечности как о количестве, как о «расхожем» физическом времени [10, с. 331]. Идея же австрийского писателя К. Рансмайра напрямую противоречит такой теории. Вечность в его романе обладает качественными характеристиками, а значит, вечность бытийствует в метафизическом пространстве. Соприкоснуться же с вечностью человек может только посредством чувственного восприятия. Концепция вечности как измеримого, линейного, физического времени противопоставляется здесь концепции вечности как настоящего мгновения, которое можно уловить лишь через чувственный мир. Это прекрасное мгновение тут же исчезнет, но останется в памяти, в хранилище человеческой вечности.

Итак, в романе Кристофа Рансмайра «Кокс, или Бег времени» феномен времени художественно осмысливается через образы часовых механизмов. Обращение постмодернистского автора к механицизму Нового времени как философскому принципу, оставляющему пространство воображения за скобками, связано с желанием обозначить субъект, вывести его в историческое пространство памяти, где посредством чувственного восприятия можно соприкоснуться с вечностью как вневременным метафизическим явлением и тем сильнее ощутить бег времени.

Литература

1. Делез Ж. *Спиноза и проблема выражения*. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. 480 с.
2. Вирилио П. *Информационная бомба. Стратегия обмана*. М.: Гнозис, 2002. 192 с.
3. Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
4. Ransmayr C. *Cox oder Der Lauf der Zeit*. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2016. 303 S.
5. Рансмайр К. Кокс, или Бег времени: роман // *Иностранная литература*. 2020. №1.
6. Дебор Г. *Общество спектакля*. М.: Логос, 2000. С. 7–114.
7. Richter J. P. Menschen sind Maschinen der Engel. URL: <http://www.salmoxisbote.de/Bote01/Paul.htm>.
8. Шевченко В. Скенософия. Поэтика механизма. // *Топос*. 26/08/2013. URL: <https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/skenosofiya-poetika-mehanizma>.
9. Кучумова Г. В. Немецкоязычный роман 1980–2000 гг.: стратегии коллекционирования // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2009. Т. 11. №4 (30). С. 216–225.
10. Хайдеггер М. *Бытие и время*. М.: Ad Marginem, 1997. 503 с.

Поступила в редакцию 22.05.2023.

DOI: 10.15643/libartrus-2023.3.2

The phenomenon of the time and its dimensions in the Chr. Ransmayr's novel "Cox oder Der Lauf der Zeit"

© G. V. Kuchumova

Samara National Research University
34 Moskovskoe Road, 443086 Samara, Russia.

Email: gal-kuchumova@mail.ru

The phenomenon of the time, different models of the time are examined in the article. They are presented in the Christoph Ransmayr's novel "Cox oder Der Lauf der Zeit" (2016) in the author's reflection on the great Cartesian model of the Universe as a clock mechanism. In the center of the narrative is the historical figure of the English watchmaker Alister Cox. After the death of his daughter a famous watchmaker receives an order from the Chinese emperor to make an eternity watch. Together with his colleagues, he makes an exciting journey to the eastern empire, which is compared to an immaculately functioning mechanism. In the novel the clockwork mechanisms, for all their extraordinary complexity and dissimilarity from each other, differ only in the positions of the observer, a person who reads his life time from them, often not coinciding with the objective course of the clock. These models implement a subjective approach to understanding time, which exists in the human mind in three forms: memory, contemplation and expectation. Subjective sensory interpretation of time prevails over all other ways of interacting with time. The idea of the (non)measurability of time is revealed in the dialogue of two archetypal figures: a master watchmaker and a watch collector. These novel characters convey the cosmo-creative mindset of a person who comprehends his greatness in the manufacture of watch mechanisms, and the greatness of a person who collects time in a watch.

Keywords: phenomenon of time, time models, time measurement, clockwork, novel "Cox oder Der Lauf der Zeit", Austrian literature, Christoph Ransmayr.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Kuchumova G. V. The phenomenon of the time and its dimensions in the Chr. Ransmayr's novel "Cox oder Der Lauf der Zeit" // *Liberal Arts in Russia*. 2023. Vol. 12. No. 3. Pp. 151–156.

References

1. Deleuz G. *Spinoza i problema vyrazheniya [Spinoza and the problem of expression]*. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2014.
2. Virilio P. *Informatsionnaya bomba. Strategiya obmana [The information bomb. Strategy of deception]*. Moscow: Gnozis, 2002.
3. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert' [Symbolic exchange and death]*. Moscow: Dobrosvet, 2000.
4. Ransmayr C. *Cox oder Der Lauf der Zeit*. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2016.
5. Ransmayr K. *Inostrannaya literatura*. 2020. No. 1.
6. Debord G. *Obshchestvo spektaklya [Society of the spectacle]*. Moscow: Logos, 2000. Pp. 7–114.
7. Richter J. P. Menschen sind Maschinen der Engel. URL: <http://www.salmoxisbote.de/Bote01/Paul.htm>.
8. Shevchenko V. Skenosofiya. Poetika mekhanizma. *Topos*. 26/08/2013. URL: <https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/skenosofiya-poetika-mekhanizma>.
9. Kuchumova G. V. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2009. Vol. 11. No. 4 (30). Pp. 216–225.
10. Heidegger M. *Bytie i vremya [Being and time]*. Moscow: Ad Marginem, 1997.

Received 22.05.2023.